

МАЙКЛ ХАРРИНГТОН

ДРУГАЯ АМЕРИКА

БЕДНЯКИ,
УГОЛОВНИКИ
И МОШЕННИКИ
В США

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Майкл Харрингтон

**Другая Америка. Бедняки,
уголовники и изгои в США**

«Алисторус»

1962

УДК 316.344.3
ББК 63.3(7Сое)6

Харрингтон М.

Другая Америка. Бедняки, уголовники и изгои в США /
М. Харрингтон — «Алисторус», 1962 — (Документальный
триллер)

ISBN 978-5-00269-559-1

Эта книга вышла впервые в 1962 году и сразу стала бестселлером в США. Майкл Харрингтон впервые показал, что помимо блестящей Америки, благополучных пригородов и сияющих мегаполисов, существует другая Америка - страна мошенников и мелких уголовников, проституток и сутенеров, гангстеров и нелегальных мигрантов, страна профессиональных нищих, алкоголиков и нищих самогонщиков, байкеров, субкультурных тусовщиков в Аппалачах и много кого еще. Это целая отдельная страна, живущая почти параллельно той парадной Америке, которую мы все привыкли видеть. Книга оказала колоссальное влияние на русского писателя и политика Эдуарда Лимонова - он познакомился с ней и ее героями вживую в годы своего проживания в США. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.344.3
ББК 63.3(7Сое)6

ISBN 978-5-00269-559-1

© Харрингтон М., 1962
© Алисторус, 1962

Содержание

Предисловие	5
Введение	10
Глава первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Майкл Харрингтон

Другая Америка

Бедняки, уголовники и мошенники в США

Предисловие

Когда книга Майкла Харрингтона «Другая Америка» после публикации в 1962 году начала завоевывать широкую аудиторию, и он сам, и его друзья были весьма удивлены. Помню, я думал, что книга Майка, при всех ее достоинствах, скорее всего пополнит число тех «достойных» изданий, которые расходятся тиражом в четыре-пять тысяч экземпляров, а затем исчезают. Такова была судьба многих серьезных книг в прежние годы и такова же будет судьба многих серьезных книг в будущем. Но когда книга Майка взлетела, это стало скромным сигналом того, что в стране начинают происходить фундаментальные перемены. Мы тогда начали думать, что годы консервативного затишья, когда холодная война господствовала в политической жизни, подходят к концу.

Консервативные настроения – они возрождаются в 1980-е – впервые после войны ярко проявились в 1950-е. Многие американцы тогда стали полагать, что циклические спады, свойственные капиталистическим экономикам, в США искоренены или по крайней мере подавлены, а экономические кризисы и социальное неравенство, царившие до Второй мировой войны и отнюдь не устраненные реформами Франклина Рузвельта, теперь уходят в прошлое. На деле же мы жили за счет послевоенного бума, и отчасти как следствие страну захлестнуло самодовольство. Особенно заметно это было среди интеллектуалов, некоторые из которых, бывшие радикалы, вскоре превратились в «новых консерваторов». Установка на социальное благодушие доминировала в годы президентства Дуайта Эйзенхауэра, распространившись даже на часть либерального сообщества. Сейчас кажется несколько забавным вспоминать, как ведущие либеральные интеллектуалы писали серьезные эссе, принимая как данность, что мы решили наши социальные проблемы и потому можем обратиться к темам «высшего», более духовного свойства. Интеллектуалы, словом, влюбились, как это с ними часто бывает, в *Zeitgeist* [дух времени] – этот самый коварный из обманов. Мэри Маккарти, например, могла написать такую нелепость: «Классовые барьеры исчезают или становятся проницаемыми; фабричный рабочий – экономический аристократ по сравнению с клерком из среднего класса... Америка... с ее огромным неравенством и разительными контрастами быстро перестает существовать».

Лишь горстка интеллектуалов – несколько либералов, несколько радикалов, некоторые из них группировались вокруг только что созданного журнала *Dissent* – продолжали жесткую критику американского общества. Майкл Харрингтон, тогда еще очень молодой, был одним из них, участвуя в нашей полемике против господствующего течения. Эта полемика, должен признать, почти не находила отклика.

Одним из факторов, изменивших настроение в стране, стала смелость «Наездников свободы» – группы чернокожих и белых молодых людей, отправившихся на Юг, чтобы помочь чернокожим отстаивать свое право голоса. Молодая серьезность и обаяние президента Кеннеди сулили Америку, более чуткую к многочисленным проблемам, которые назревали прямо под поверхностью общественной жизни. И книга Майка тоже помогла.

В своей автобиографии «Фрагменты века» Майк пишет о внезапной славе и успехе, которые принесла ему «Другая Америка». Он опубликовал статью «Наши пятьдесят миллионов бедных» в журнале *Commentary* – тогда совсем не похожем на нынешний, заостроенно-кон-

сервативный Commentary, – и эта статья, по его словам, вызвала «небольшой переполох». Затем издательство Macmillan предложило Майку аванс в 500 долларов, неплохие по тем временам деньги для молодого писателя, чтобы он расширил статью до книги. В первые несколько месяцев после публикации «Другая Америка» продавалась довольно неплохо, принесла Майку авторский гонорар около 1500 долларов – достаточно для поездки в Париж. Однажды, когда Майк бродил по парижскому книжному магазину, он заметил пространное и абсолютно перво-классное эссе-рецензию Дуайта Макдональда в The New Yorker, посвященную американской бедности в целом и книге Майка в частности. Несколькими годами ранее Макдональд был товарищем и Майка, и меня по одной маленькой социалистической группе, но с тех пор его политический путь пошел в другую сторону. Тем не менее мы оставались друзьями, и, в отличие от многих других интеллектуалов того времени, Макдональд сохранил сильную способность к нравственному отклику – что по большей части означает нравственное негодование. Он также был блестящим журналистом: ясным, остроумным, резким. Его эссе-рецензия, почти что маленькая книга сама по себе, «сделала бедность темой для разговоров, – писал Майк, – в интеллектуально-политическом мире Северо-Востока». И Майк продолжал: «Затем Джон Кеннеди, которого глубоко тронули страдания, увиденные им в Западной Вирджинии во время праймериз 1960 года, спросил Уолтера Хеллера, председателя своего Совета экономических консультантов, есть ли доля истины в этих новых теориях о бедности. Хеллер ответил, что да, и дал ему экземпляр [Майковой] книги... Вскоре после этого Кеннеди решил сделать искоренение бедности одной из главных внутривнутриполитических целей». Так что книги иногда (хотя и нечасто) способны изменить ход событий.

В своей автобиографии Майк признается, что его беспокоило то, что нигде в «Другой Америке» он открыто не заявлял о своих социалистических убеждениях – о своей вере в то, что для борьбы с бедностью потребуется государственное планирование и социальные инвестиции «даже на реформистском уровне». Ему не стоило беспокоиться. Есть социальные и экономические проблемы, по которым либералы и социалисты могут работать вместе в согласии, чтобы провести реформы, которые поддержат порядочные мужчины и женщины. Во всяком случае, Майк в своих многочисленных речах и статьях предельно ясно давал понять, каковы его политические взгляды. Сомневаюсь, что многие читатели «Другой Америки» этого не знали.

Перечитывая «Другую Америку» спустя примерно тридцать лет, я поражен тем, насколько хорошо книга выдержала испытание временем. Разумеется, некоторые факты сейчас устарели, и одно из замечаний Дуайта Макдональда – что Майку следовало включить ссылки – справедливо. Более проблематичным, хотя и крайне важным, является центральный посыл, из которого исходил Майк: что если бы люди только знали реальность, они бы ответили негодованием; если бы люди только осознали существование «невидимых бедных», они бы действовали, чтобы устранить этот национальный позор. Увы, за прошедшие годы мы убедились, что люди действительно могут знать и при этом оставаться пассивными; более того, некоторые знают и даже могут очерстветь. Все мы, живущие в больших городах, знаем, как научились проходить мимо бездомных, будто их присутствие на улицах – нечто естественное. Может быть, мы бросаем несколько монет, может быть, нет, но негодование, которое мы, возможно, почувствовали, впервые заметив бездомных, постепенно угасает. Полагаю, Майк со временем понял это, но думаю, что каким-то образом он не мог заставить себя признать это. Остаток его прежней христианской веры, часть этики, усвоенной им от движения католических рабочих, заставляли его чувствовать, что рано или поздно люди откликнутся на нравственный призыв. Я почти слышу, как он говорит: «Они обязаны!»

Юношеская чистота чувства, мягкость нрава, отличавшие слова и поступки Майка, кажутся мне сейчас, когда я перечитываю его книгу, столь же трогательными, как и тридцать лет назад. Даже став социалистическим лидером без очень уж большой армии сторонников, Майк никогда не говорил с той душевной сухостью, которую можно встретить у многих про-

фессиональных политиков, включая некоторых левых. Чувствовалось, что сострадание в его книгах исходит из самой глубины его существа.

Проза «Другой Америки» чиста и ясна. Майк построил книгу как последовательность виньеток – бедность здесь, бедность там, с приложенными зарисовками моральных и психологических издержек, и лишь небольшая россыпь статистики в подтверждение его доводов.

Один из первых вопросов, с которыми ему пришлось столкнуться, отнюдь не так прост, как может показаться: что такое бедность? Он определил ее как исторически относительное понятие, явно различающееся в богатой стране, подобной США, и в бедствующей стране, подобной Бангладеш:

[В Америке] существуют новые представления о том, чего человек может достичь, каким должен быть человеческий жизненный уровень. Те, кто влачит уровень жизни намного ниже возможного, даже если они живут лучше средневековых рыцарей или азиатских крестьян, – бедны... Бедность следует определять через тех, кому отказано в минимальных уровнях здоровья, жилья, питания и образования, которые наша нынешняя ступень научного знания определяет как необходимые для жизни в том виде, в каком она сейчас проживается в Соединенных Штатах. (Курсив добавлен).

В то время, когда писал Майк, Бюро статистики труда США оценивало, что 4000 долларов в год для семьи из четырех человек и 2000 долларов в год для одинокого человека составляют разделительную черту между скромным благополучием и бедностью. По оценкам Майка, это означало, что от 40 до 50 миллионов американцев, или около четверти населения, жили в бедности. Это стало шоком для многих людей. Они отказывались верить, считали, что Майк преувеличивает. Но он всего лишь следовал официальной статистике, и всё, что случилось в этой стране позже, говорит о том, что он был по существу прав. Людям следовало лишь вспомнить знаменитую фразу Франклина Рузвельта: одна треть нации плохо одета, плохо живет, плохо питается. В 1930-е годы, в разгар Великой депрессии, мы были лучше готовы признать такие мрачные факты, чем в 1960-е, время всеобщего социального самообмана.

Один из самых интересных моментов в «Другой Америке» – это настойчивое утверждение Майка, что бедность – это не просто один из социальных признаков наряду с другими; это всеобъемлющее состояние. Испытываемая сколько-нибудь долгое время, бедность заставляла людей чувствовать себя «безнадежными и пассивными, но при этом склонными к вспышкам насилия: бедные одиноки и изолированы, часто ригидны и враждебны. Быть бедным – значит не просто быть лишенным материальных благ этого мира. Это значит войти в роковую, беспросветную вселенную, Америку внутри Америки, с искалеченным духом». В другом месте своей книги Майк дал еще более яркое описание тех крайних состояний, к которым бедность может привести людей:

Другую Америку все больше населяют те, кто никому и ничему не принадлежит. Они больше не участвуют в этнической культуре старой страны; они все менее религиозны; они не состоят в профсоюзах или клубах. Их не видят, и из-за этого они сами не видят. Их горизонт становится все более ограниченным; они видят друг друга, а это значит, что они видят мало причин для надежды.

Подозреваю, что Майк, возможно, дал чересчур драматизированное описание, что он постулировал слишком жесткую связь между материальным положением и духовно-эмоциональными последствиями. Его целью было потрясти страну. Он хотел показать огромную разницу между, скажем, бедностью прежних иммигрантских поколений, которые могли надеяться, что тяжелый труд и бережливость позволят им улучшить свою долю, и бедностью тех людей, которых он описывал – чернокожих, изгнанных с южных плантаций, жителей Аппалачей, гниющих заживо, обитателей трущоб, не видящих выхода. Когда бедность была состоянием, распространенным среди большей части населения, ее последствия казались не такими

разрушительными социально и психологически, как когда она сконцентрировалась в большой группе меньшинства американцев.

К 1960-м годам, писал Майк, бедность стала «невидимой»:

Бедные все больше ускользают из самого опыта и сознания нации. Если средний класс никогда и не любил уродство и бедность, то по крайней мере он осознавал их. «По ту сторону путей» было не так уж далеко... Теперь американский город преобразился. Бедные по-прежнему живут в убогом жилье в центральной части города, но они все более изолированы от контактов и даже от взглядов кого бы то ни было еще.

В конечном счете книга Майка была *сri de coeur*, обращением к совести страны: как вы можете позволять такому позору гноиться в этой стране?

Хотел бы я знать ответ на этот вопрос, поскольку он многое бы нам сказал, не обязательно приятное, о моральном и психологическом складе американского народа. Действительно, в 1960-е годы в результате некогда знаменитой «Войны с бедностью» число бедных американцев значительно сократилось; но в 1970-е и 1980-е тенденция изменилась на противоположную. Теперь, спустя около тридцати лет после выхода книги Майка, появились тысячи статей и речей, десятки книг, изображающих и анализирующих бедность. Все высказались, но бедность осталась. Это не результат какого-то природного закона, как полагают некоторые невежественные души, и не результат «лени» бедных, как скажут вам некоторые таксисты и праворадикальные идеологи. Это результат социального пренебрежения и цинизма. Это результат неспособности проявить политическую волю.

За эти тридцать лет, конечно, произошли изменения в отношении американских бедных. Общее число бедных несколько уменьшилось. И хотя я не пишу как эксперт по бедности, позвольте мне очень кратко перечислить некоторые новые факторы.

Было одно явное улучшение – это положение пожилых людей. Отчасти потому, что они стали политически влиятельной группой, научившейся организовываться и оказывать давление в защиту своих нужд, а отчасти потому, что такие программы, как социальное обеспечение и Медикэр, очень помогли, бедность среди пожилых людей за последние тридцать лет значительно сократилась. Однако, пишу это сейчас, я должен отметить опасность, которой подвергаются пожилые люди из-за растущего числа корпораций и компаний, отказывающихся от своих обещаний предоставлять медицинскую страховку пенсионерам.

Произошло и несколько негативных изменений. Рост числа неполных семей привел к росту бедности как среди взрослых, так и среди детей. Действительно, одним из самых страшных явлений стало значительное увеличение бедности среди детей. Другим фактором роста бедности стало употребление бухла среди некоторых бедных, особенно черной молодежи – трудно сказать, ведет ли бедность к употреблению бухла или бухло к бедности; вероятно, они сочетаются, образуя порочный круг. Еще одна причина роста бедности – сокращение программ государственной помощи бедным и безработным. Возможно, самым важным фактором роста бедности в 1980-е годы стало неуклонное снижение уровня заработной платы, так что теперь в Америке есть группа, которую мы называем «работающие бедные» – люди, у которых есть работа, которые трудятся, которые отчаянно пытаются удержаться на плаву как кормилицы семей (иногда мужчины, иногда женщины), но которые получают настолько нищенски низкую зарплату, что опускаются ниже черты бедности. Некоторые из этих событий Майк предвидел, другие он не мог предугадать.

Позвольте мне процитировать два авторитетных исследования о современной американской бедности. Центр приоритетов бюджета и политики под руководством Роберта Гринстина сообщает, что в 1991 году число бедных американцев достигло самого высокого уровня за более чем 20 лет: еще 2,1 миллиона американцев оказались за чертой бедности... Особенно резко выросла бедность среди детей... Еще около 900 000 детей стали бедными [в 1991 году], а уровень детской бедности вырос с 20,6 процента в 1990 году до 21,8 процента в 1991 году.

Около 14,3 миллиона детей были бедны в прошлом году. Как и общее число бедных, число бедных детей было больше, чем в любой другой год.

В отчете Бюро переписи, выпущенном в мае 1992 года, показано, что доля работников, занятых полный рабочий день круглый год, чья заработная плата слишком низка, чтобы вывести семью из четырех человек за черту бедности, резко выросла в последние годы. В 1979 году около 12,1 процента таких работников получали столь низкую зарплату. В 1990 году – около 18 процентов.

А Институт экономической политики в своем богатом подробностями исследовании «Состояние работающей Америки» Ларри Мишела и Джареда Бернштейна сообщает:

Несмотря на рост экономики в период между 1983 и 1989 годами, уровень бедности был высоким по историческим меркам. Фактически, бедные в 1989 году были значительно беднее, чем бедные в 1979 году. Например, в 1989 году на 8 процентов больше бедных людей имели доходы на уровне 50 процентов от черты бедности по сравнению с 1979 годом...

Уровень бедности среди чернокожих с 1979 года был по крайней мере в три раза выше, чем среди белых, достигнув 32,7 процента в 1991 году. Уровень среди латиноамериканцев вырос с 21,9 процента в 1973 году до 28,7 процента в 1991 году.

Причина, по которой уровень бедности оставался высоким, несмотря на [экономическое] оживление, связана со снижением заработной платы и провалом «системы социальной защиты», т. е. системы государственных налогов и трансфертов, призванной смягчить бедность. В течение 1980-х годов и без того низкие доходы работников с низкими доходами упали на 15,9 процента для мужчин и на 6,9 процента для женщин из нижних 20 процентов распределения заработков.

Хватит статистики. Факт остается фактом: бедность остается главным бичом американской действительности. То, что она сохраняется годами, лишь усугубляет положение, поскольку многие люди все глубже погружаются в то, что называют «культурой бедности», теряя всякую надежду, а иногда и переставая искать работу. И этот скандал становится еще более вопиющим, если вспомнить, что в годы Рейгана-Буша царила оргия финансовых спекуляций, часто приводившая к огромному росту богатства уже богатых, а также к усилению поляризации между богатыми и всеми остальными слоями американского населения.

Скандал сохраняется, и это делает «Другую Америку» книгой столь же значимой сегодня, как и в день ее публикации. Мне только жаль, что Майка нет с нами, чтобы возопить против позора нации.

Ирвинг Хоу

Введение

Существует знакомая нам Америка. Ее прославляют в речах, рекламируют по телевидению и в журналах. У нее самый высокий массовый уровень жизни из всех известных миру.

В 1950-е эта Америка беспокоилась о себе, но даже ее тревоги были порождением изобилия. Название блестящей книги было широко истолковано неверно, и знакомая Америка начала называть себя «обществом изобилия». Было много разговоров о рекламном бизнесе на Мэдисон-авеню и о хвостовых плавниках автомобилей; обсуждались эмоциональные страдания, происходящие в пригородах. Во всем этом присутствовало негласное предположение, что основные, насущные экономические проблемы в Соединенных Штатах решены. Согласно этой теории, проблемы нации больше не касались базовых человеческих потребностей – еды, крова, одежды. Теперь их считали качественными, вопросом того, как научиться достойно жить среди роскоши.

Пока велись эти разговоры, существовала другая Америка. В ней обитали где-то от 40 до 50 миллионов граждан этой страны. Они были бедны. Они всё еще бедны.

Безусловно, другая Америка не обездолена в том же смысле, что те бедные страны, где миллионы цепляются за голод как защиту от истощения. Эта страна избежала таких крайностей. Это не меняет того факта, что десятки миллионов американцев прямо сейчас искалечены телом и духом, существуют на уровнях ниже необходимых для человеческого достоинства. Если эти люди не голодают, они недоедают, а иногда и толстеют от недоедания – таково действие дешевой еды. У них нет адекватного жилья, образования и медицинской помощи.

Правительство задокументировало, что это означает для тел бедных, и цифры будут приводиться на протяжении всей этой книги. Но еще более важно то, что эта бедность искривляет и деформирует дух. Американские бедные пессимистичны и сломлены, они страдают от душевных мук в степени, неизвестной в пригородах.

Эта книга – описание мира, в котором живут эти люди; она о другой Америке. Вот неквалифицированные рабочие, рабочие-мигранты на фермах, пожилые, меньшинства и все остальные, кто живет в экономическом подполье американской жизни. Во всем этом будут и статистические данные, что дает возможность для разногласий между честными и искренними людьми. Я прошу читателя критически относиться к каждому утверждению, но не позволять статистическим придирам затемнять огромный, чудовищный и невыносимый факт бедности в Америке. Ибо, когда всё сказано и сделано, этот факт бесспорен, каковы бы ни были его точные масштабы, и истинно человеческой реакцией на него может быть только возмущение. Как писал У. Х. Оден:

*Голод не оставляет выбора
Ни гражданину, ни полиции;
Мы должны любить друг друга или умереть.*

Глава первая

Невидимая армия

Миллионы бедных в Соединенных Штатах имеют тенденцию становиться всё более невидимыми. Здесь огромная масса людей, но даже чтобы увидеть их, требуются усилие ума и воли.

Я обнаружил это лично любопытным образом. После того как я написал свою первую статью о бедности в Америке, у меня на бумаге были все статистические данные. Я доказал к своему удовлетворению, что в стране насчитывается около 50 миллионов бедных. И всё же я понял, что не верю собственным цифрам. Бедные существовали в правительственных отчетах; они были процентами и числами в длинных, плотных колонках, но они не были частью моего опыта. Я мог доказать, что другая Америка существует, но сам никогда там не был.

Моя реакция не была случайной. Она типична для того, что происходит со всем обществом, и отражает глубокие социальные изменения в этой нации. Другая Америка, Америка бедности, сегодня скрыта так, как никогда раньше. Ее миллионы социально невидимы для остальных из нас. Неудивительно, что так много людей превратно истолковали название книги Гэлбрейта и предположили, что «общество изобилия» означает, что у каждого есть достойный уровень жизни. Это неверное толкование было верным в том, что касалось повседневной жизни двух третей нации. Итак, начать описание другой Америки нужно с понимания того, почему мы ее не видим.

Существуют постоянные причины, делающие другую Америку невидимой землей.

Бедность часто находится в стороне от проторенных дорог. Так было всегда. Обычный турист никогда не сворачивал с главного шоссе, а сегодня он ездит по межштатным платным магистралям. Он не заезжает в долины Пенсильвании, где города выглядят как киносьемочные декорации Уэльса тридцатых годов. Он не видит рядов домов, принадлежащих компаниям, разбитых дорог (у бедных всегда плохие дороги, живут ли они в городе, в поселке или на ферме), и всё вокруг черно и грязно. И даже если бы он случайно проехал через такое место, турист не встретил бы безработных мужчин в баре или женщин, возвращающихся домой из потогонной мастерской с забегаловкой.

Кроме того, красота и мифы также являются извечными масками бедности. Путешественник приезжает в Аппалачи в прекрасное время года. Он видит холмы, ручьи, листву – но не бедных. Или, возможно, он смотрит на ветхий горный домик и, вспоминая Руссо, а не видя своими глазами, решает, что «эти люди» воистину счастливы жить так, как они живут, и что им повезло быть свободными от стрессов и напряжений среднего класса. Единственная проблема в том, что «эти люди», причудливые обитатели этих холмов, необразованны, обездолжены, лишены медицинской помощи и находятся в процессе изгнания с земли в жизнь в городах, где они становятся чужеродными элементами.

Это нормальные и очевидные причины невидимости бедных. Они действовали поколение назад; они будут действовать и поколение спустя. Важнее понять, что само развитие американского общества создает новый вид слепоты по отношению к бедности. Бедные всё больше выскальзывают из самого опыта и сознания нации.

Если средний класс никогда и не любил уродство и бедность, он по крайней мере осознавал их. «По ту сторону путей» было не так уж далеко. На Рождество случались вылазки в трущобы; существовали благотворительные организации, обеспечивавшие контакт с бедными. Время от времени почти каждый проходил через негритянское гетто или кварталы многоквартирных домов, хотя бы по пути в центр – на работу или на развлечения.

Теперь американский город преобразился. Бедные по-прежнему живут в убогом жилье в центральной части города, но они всё более изолированы от контактов или даже от взглядов

кого бы то ни было еще. Женщины среднего класса, приезжающие из пригорода по редкому случаю, могут мельком увидеть другую Америку по пути на вечерний спектакль в театре, но их дети изолированы в пригородных школах. Бизнесмен или профессионал может проехать по окраинам трущоб на машине или автобусе, но для него это не важный опыт. Неудачники, неквалифицированные, инвалиды, пожилые и меньшинства – они прямо здесь, по ту сторону путей, где и были всегда. Но больше почти никого нет.

Короче говоря, само развитие американского города устранило бедность из живого, эмоционального опыта миллионов и миллионов американцев среднего класса. Живя в пригородах, легко предположить, что наша страна, действительно, является обществом изобилия.

Эта новая сегрегация бедности усугубляется благонамеренным невежеством. Многие обеспокоенные и сочувствующие американцы знают, что много говорят о городском обновлении. Внезапно, проезжая по городу, они замечают, что знакомые трущобы снесены, и там, где когда-то были многоквартирные дома или лачуги, возвышаются современные здания. Возникает теплое чувство удовлетворения, гордости за то, как всё улаживается: бедные, очевидно, находятся под присмотром.

Ирония (как будет показано в главе о жилье) в том, что истина почти полностью противоположна этому впечатлению. Совокупный эффект различных жилищных программ в послевоенной Америке сводился к тому, чтобы втиснуть всё больше и больше людей в существующие трущобы. Чаще всего современная квартира в высотном здании сдаётся по 40 долларов за комнату и более. Потому что за последние полтора десятилетия субсидирование жилья для среднего и высокого доходов было большим, чем жилье для бедных.

Одежда тоже делает бедных невидимыми: в Америке самая хорошо одетая бедность из всех, какие знал мир. По ряду причин выгоды массового производства распределились в этой области гораздо равномернее, чем во многих других. В Соединенных Штатах гораздо легче прилично одеться, чем быть прилично обеспеченным жильем, питанием или медицинской помощью. Даже люди с ужасающе низкими доходами могут выглядеть процветающими.

Это чрезвычайно важный фактор в определении нашего эмоционального и экзистенциального неведения о бедности. В Детройте существование социальных классов стало гораздо труднее различить в тот день, когда компании установили шкафчики для одежды на заводах. С того момента на пути на фабрику не было видно людей в рабочей одежде, только граждане в брюках и белых рубашках. Этот процесс распространился и на бедных по всей стране. Есть десятки тысяч американцев в больших городах, которые носят обувь, возможно, даже стильно скроенный костюм или платье, и при этом голодны. Это не вопрос планирования, хотя почти кажется, что общество изобилия выдало бедным костюмы, чтобы они не оскорбляли остальное общество видом лохмотьев.

Кроме того, многие из бедных имеют неподходящий возраст, чтобы их замечали. Большая их часть (свыше 8 миллионов) – люди 65 лет и старше; еще больше – младше 18 лет. Пожилые члены другой Америки часто больны и не могут передвигаться. Другая группа из них проживает свою жизнь в одиночестве и разочаровании: они сидят в съемных комнатах или держатся рядом с домом в районе, который полностью изменился по сравнению со старыми временами. Действительно, один из худших аспектов бедности среди пожилых – это то, что эти люди вне поля зрения и вне памяти, они одиноки.

Молодые несколько более заметны, но и они держатся поблизости от своих кварталов. Иногда они рекламируют свою бедность с помощью кричащей бульварной истории об убийстве в банде. Но в целом они не нарушают тихих улиц среднего класса.

И наконец, бедные политически невидимы. Одна из грубейших ироний социальной жизни в развитых странах заключается в том, что обездоленные на дне общества не могут говорить за себя сами. Люди другой Америки, по большому счету, не состоят в профсоюзах, братских организациях или политических партиях. У них нет своих лоббистов; они не выдви-

гают никакой законодательной программы. Как группа, они атомизированы. У них нет лица; у них нет голоса.

Таким образом, нет даже циничного политического мотива заботиться о бедных, как в старые времена. Поскольку трущобы больше не являются центрами мощных политических организаций, политикам не нужно на самом деле заботиться об их обитателях. Трущобы больше не видны среднему классу, поэтому значительная часть идеалистического порыва бороться за тех, кто нуждается в помощи, ушла. Только социальные службы действительно напрямую вовлечены в другую Америку, но у них нет большой политической власти.

Насколько у бедных есть spokesman [представитель, глашатай] в американской жизни, эту роль играет рабочее движение. У профсоюзов есть свой особый идеализм, идеология заботы. Более того, они понимают, что существование резерва дешевой, неорганизованной рабочей силы представляет угрозу для заработной платы и условий труда во всей экономике. Таким образом, многие законодательные предложения профсоюзов – о расширении охвата минимальной заработной платы и социального обеспечения, об организации фермеров-мигрантов – выражают потребности бедных.

То, что бедные невидимы, – одна из самых важных их черт. Они не просто заброшены и забыты, как в старой риторике реформ; что гораздо хуже – их не видят.

Можно взять замечание Джордж Элиот из «Феликса Холта» в качестве основного утверждения того, о чем эта книга:

...нет такой частной жизни, которая не была бы определена более широкой общественной жизнью, начиная с тех времен, когда первобытной доярке приходилось бродить вместе со скитаниями ее клана, потому что корова, которую она доила, была частью стада, которое истощило пастбище. Даже в оранжерейном существовании, где благородный молодой Ананас вздыхает по прекрасной Камелии, и ни тому, ни другому не нужно заботиться о морозе или дожде снаружи, существует подспудный аппарат горячеводных труб, способных остыть из-за забастовки садовников или нехватки угля.

...А жизни, которые мы собираемся рассмотреть, не принадлежат к этим оранжерейным видам; они уходят корнями в общую землю, им приходится выносить все обычные превратности прошлой и нынешней погоды.

От 40 до 50 миллионов людей становятся всё более невидимыми. Это шокирующий факт. Но есть вторая базовая ирония бедности, столь же важная: если тебе суждено совершить ошибку и родиться бедным, тебе следует выбрать время, когда большинство людей тоже несчастны.

Дж. К. Гэлбрейт развивает эту мысль в «Обществе изобилия» и тем самым определяет «новизну» того вида бедности, который существует в современной Америке. Старая бедность, отмечает Гэлбрейт, была всеобщей. Она была условием жизни целого общества или по крайней мере той огромной массы людей, которые не обладали особыми навыками или удачей рождения. Когда экономика в целом продвигалась вперед, многие из этих людей достигали более высокого уровня жизни. В отличие от сегодняшних бедных, большинство бедных поколение назад были непосредственной (пусть и циничной) заботой политических лидеров. Старые иммигрантские трущобы имели голоса; они обеспечивали базу для рабочих организаций; сама их численность могла быть мощной силой в политических конфликтах. В то же время новые технологии требовали более высокой квалификации, лучшего образования и стимулировали upward movement [движение вверх] для миллионов.

Пожалуй, самый драматичный пример власти большинства бедных имел место в 1930-е годы. Конгресс производственных профсоюзов (Congress of Industrial Organizations, CIO) буквально за несколько лет организовал миллионы людей. Рабочее движение, которое приходило в упадок и ограничивалось тонким слоем высококвалифицированных рабочих, внезапно охватило массы мужчин и женщин в базовых отраслях промышленности. В то же время это стало

давлением на правительство, и Новый курс закрепил некоторые социальные завоевания в законах, таких как Закон Вагнера. Результатом стала не фундаментальная трансформация американской системы, но она изменила жизнь целой части населения.

В тридцатые годы одной из причин этих достижений было то, что бедствие было всеобщим. Тогда не было нужды писать книги о безработице и бедности. Это было решающим социальным опытом всего общества, и торговцы яблоками даже вторглись на Уолл-Стрит. Была политическая симпатия со стороны реформаторов из среднего класса; были порыв и дух, выросшие из глубокого кризиса.

Некоторые из тех, кто продвинулся в тридцатые годы, сделали это благодаря своим уникальным индивидуальным талантам. Но для огромной массы это был вопрос оказаться в нужной точке экономики в нужное время истории и использовать эту позицию для общей борьбы. Некоторые из тех, кто потерпел неудачу, сделали это потому, что у них не было воли воспользоваться новыми возможностями. Но по большей части бедные, которые остались позади, оказались в неверном месте экономики в неверный момент истории.

Это были люди на не поддающихся организации работах, на Юге, в группах меньшинств, в предприятиях-однодневках с низким капиталом и высокой долей труда. Когда некоторые из них всё же прорывались в экономический мейнстрим – когда, например, СЮ открыл путь для некоторых чернокожих, чтобы найти хорошую промышленную работу – они оказывались столь же изобретательными, как и все остальные. Как группа, те другие американцы, которые остались позади, изначально состояли не в первую очередь из индивидуальных неудачников. Скорее, они были жертвами безличного процесса, который отбирал одних для прогресса и дискриминировал других.

Из тридцатых годов возникло государство всеобщего благосостояния. Его создание было стимулировано массовым обнищанием и страданиями, однако оно помогло бедным меньше всех. Такие законы, как компенсация по безработице, Закон Вагнера, различные фермерские программы – все они были предназначены для средней трети в городах, для организованных рабочих, для верхней трети в сельской местности, для крупных рыночных фермеров. Если человек работает на крайне низкооплачиваемой работе, он может даже не быть охвачен социальным обеспечением или другими программами помощи. Если он получает пособие по безработице, выплата уменьшается пропорционально его низкому заработку.

Одним из главных законов, который был призван охватить всех, богатых и бедных, было социальное обеспечение. Но даже здесь другие американцы страдали от дискриминации. За прошедшие годы выплаты социального обеспечения не обеспечивали даже прожиточного минимума. Средняя треть смогла дополнить федеральную пенсию за счет частных планов, заключенных профсоюзами, через вступление в схемы медицинского страхования, такие как «Голубой крест», и так далее. Бедные не смогли этого сделать. Они ведут горькую жизнь, а затем расплачиваются за этот факт в старости.

Действительно, парадокс, заключающийся в том, что государство всеобщего благосостояния приносит пользу тем, кто меньше всего нуждается в помощи, – это лишь один пример устойчивой иронии в другой Америке. Даже когда деньги в конце концов просачиваются вниз, даже когда, например, в бедном районе строят школу, бедные всё равно обездолены. Вся их среда, их жизнь, их ценности не готовят их к тому, чтобы воспользоваться новой возможностью. Родители тревожатся, чтобы дети пошли работать; ученики сидят взаперти, ожидая момента, когда их образование удовлетворит требованиям закона.

Сегодняшние бедные, короче говоря, упустили политические и социальные завоевания тридцатых годов. Они, как справедливо указывает Гэлбрейт, первая бедность меньшинства в истории, первые бедные, которых не видно, первые бедные, которых политики могли оставить в покое.

Первый шаг к новой бедности был сделан, когда миллионы людей оказались невосприимчивы к прогрессу. Когда это случилось, неудача была не индивидуальной и личной, а социальным продуктом. Но как только историческая случайность происходит, она начинает становиться личной судьбой.

Новые бедные из другой Америки видели, как остальное общество движется вперед. Они продолжали жить в депрессивных районах, и часто они сами становились подавленными людьми. Например, в некоторых городках Западной Вирджинии целое сообщество становится убогим и сломленным. Молодые и искатели приключений уезжают в город, оставляя тех, кто не может уехать, и тех, кому не хватает воли это сделать. Вся территория пронизывается неудачей, и это еще одна причина, по которой крупные корпорации стороятся её.

Действительно, одна из самых важных особенностей новой бедности заключается в том, что её нельзя определить простыми статистическими терминами. На протяжении всей этой книги используется ключевое понятие: устремленность (*aspiration*). Если группа обладает внутренней жизненной силой, волей – если у неё есть устремленность – она может жить в ветхом жилье, она может питаться неадекватно, она может страдать от бедности, но она не является обездоленной (*improverished*). Так было в тех этнических трущобах иммигрантов, которые сыграли такую драматическую роль в развертывании американской мечты. Люди оказывались в трущобах, но они не были обитателями трущоб.

Но новая бедность устроена так, чтобы разрушать устремленность; это система, предназначенная быть непроницаемой для надежды. Другая Америка не содержит искателей приключений, жаждущих новой жизни и земли. Её населяют неудачники, изгнанные с земли и ошеломленные городом, старики, внезапно столкнувшиеся с муками одиночества и бедности, и меньшинства, стоящие перед стеной предрассудков.

В прошлом, когда бедность была всеобщей среди неквалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы, бедные были перемешаны. Яркие и тупые, те, кто собирался вырваться в большое общество, и те, кому предстояло остаться, – все они жили на одной улице. Когда средняя треть поднялась, это сообщество было разрушено. И вся невидимая земля других американцев стала гетто, современной фермой для бедных [*poor farm*], предназначенной для отверженных общества и экономики.

Тот факт, что средний класс больше не понимает существования бедности, является ударом по реформам и политическим надеждам бедных. Но, возможно, еще важнее то, что бедные теряют связи с большим миром. Если статистика и социология могут измерить такое тонкое чувство, как одиночество (и некоторые попытки сделать это будут приведены позже), то другую Америку все больше населяют те, кто никому и ничему не принадлежит. Они больше не участвуют в этнической культуре старой страны; они все менее религиозны; они не состоят в профсоюзах и клубах. Их не видят, и из-за этого они сами не видят. Их горизонт становится все более ограниченным; они видят друг друга, а это означает, что они видят мало причин для надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.